

УДК 343.36+343.362

ПОНЯТИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ДОНОСА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Е.В. Медведев

ГОУ ВПО «Ульяновский государственный университет»

Рассматривается вопрос определения социальной сущности и юридической природы ложного доноса, его основных черт как преступления, посягающего на нормальную деятельность органов правосудия в соответствии с их целями и задачами.

***Ключевые слова:** донос; преступления против правосудия; отношения по осуществлению правосудия, механизм причинения вреда.*

В разные времена сущность ложного доноса трактовалась по-разному: он ассоциировался с преступлениями против интересов государства, посягательствами на правосудие, на личность и т. д., а само понятие «ложный донос» тесно переплеталось с понятиями клеветы, извета, лжесвидетельства, государственной измены и т. д. В современной теории уголовного права по вопросу о сущности и содержании понятия «ложный донос» также существует несколько различных точек зрения. Одни ученые понимают под ним сообщение в правоохранительные органы о якобы совершенном преступлении³²². Другие считают, что это – доведение до должностных лиц и органов власти, ложных сведений о потерпевшем³²³. Отдельные специалисты рассматривают ложный донос как разновидность оговора, видя его общественную опасность прежде всего в обвинении заведомо невиновного в совершении преступления³²⁴.

Существуют и другие мнения, которые по своей идее в основном близки к обозначенным выше позициям. Если же попытаться обобщить все имеющиеся взгляды по рассматриваемому вопросу, то можно выделить два вида доноса, в которые, как правило, ученые вкладывают основной смысл анализируемого преступления. Это 1) ложное сообщение о факте совершения преступления безотносительно того, кто его совершил; 2) сообщение тех же сведений с указанием конкретного лица, совершившего преступление.

³²² См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2007. С. 314.

³²³ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.А. Чекалин. М., 2006. С. 352.

³²⁴ См., например: Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: дисс. ... канд. юр. наук. Казань, 2000. С. 110; Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968. С. 144.

Сама по себе такая классификация (она, кстати, нередко встречается в литературе) не вызывает каких-либо возражений ни с теоретической ни с практической точек зрения. Однако, на наш взгляд, не следует придавать ей слишком принципиальное значение, как это делают некоторые ученые, которые рассматривают обозначенные деяния как свершено разные преступные посягательства. Об этом говорит, например, Л.В. Лобанова, утверждая, что приведенные выше виды ложного доноса имеют разную природу и отличаются по непосредственному объекту³²⁵.

С данным утверждением, на наш взгляд, довольно трудно согласиться, учитывая, что основанием обособления заведомо ложного доноса в уголовном законе и его видов исторически был и является признак нарушения порядка отправления правосудия. В противном случае, при отсутствии этого ключевого признака ложный донос фактически уравнивается с клеветой, соединенной с обвинением лица в совершении преступления, что кажется, по меньшей мере нелогичным.

Тем не менее, чтобы определиться с содержанием ложного доноса на законодательном уровне, сформулировать четкую дефиницию, отражающую его уголовно-правовое значение, необходимо прежде всего ответить на вопрос о том, какой вред это деяние способно причинять личности, обществу и государству. На этот вопрос, по нашему мнению, напрашивается три возможных варианта ответа.

Как известно, основным способом реагирования на преступления является применение к лицам, их совершившим, уголовно-правовых средств воздействия, и в первую очередь мер уголовной ответственности³²⁶. Эта деятельность происходит в рамках специфических отношений в сфере осуществления уголовного преследования и отправления правосудия, регулируемых известными отраслями законодательства. Ее призваны осуществлять специализированные органы, наделенные соответствующими полномочиями, т. е. правоохранительные органы и суд.

Все остальные органы и должностные лица государства, а также муниципальных образований, которые не входят в эту систему, не имеют прямых полномочий в борьбе с преступностью, они лишь содействуют ей. Поэтому, попадая в указанные органы, сообщение о преступлении не предполагает какой-либо серьезной адекватной реакции с их стороны, и, стало быть, не связано со значительными и в то же время бесполезными затратами людских и материальных средств.

На практике нередко встречаются ситуации, когда даже внутри правоохранительной системы заявления о преступлении долгое время ходят из рук в руки, ввиду того что разные правоохранительные органы

³²⁵ См.: Лобанова Л.В. Указ. соч.– С. 108.

³²⁶ См., например: Тюшнякова О.В., Якушин В.А. Наказание и его применение.– Тольятти, 2006. С. 37.

согласно закону наделены различной компетенцией по рассмотрению различных категорий уголовных дел. В результате, например, в милиции не принимают заявления потерпевших о преступлениях, расследование которых по закону входит в компетенцию прокуратуры, и наоборот.

Таким образом, если исходить из того, на что ложное сообщение о преступлении оказывает самое непосредственное негативное влияние, и учитывать значительность причиняемого им ущерба, можно сделать вывод, что сущность доноса как преступления состоит не иначе, как в нарушении нормальной деятельности специализированных органов по борьбе с преступностью. При этом преступный характер указанное деяние, учитывая специфику уголовного процесса, регулирующего рассматриваемую сферу деятельности государства, как представляется, приобретает с того момента, когда в действие запускается механизм расследования преступления и привлечения виновных к уголовной ответственности.

То, что специфика ложного доноса заключается именно в сообщении о преступлении в компетентные органы, непосредственно занимающиеся борьбой с преступностью, подтверждается и международным опытом законодательного регулирования. Например, именно в таком ключе сконструирована норма об ответственности за ложный донос в УК Украины. Для привлечения к ответственности по ст. 383 УК Республики Украины необходимо, чтобы ложный донос был сделан не любому органу или должностному лицу, а только уполномоченному осуществлять уголовное преследование (суду, прокурору, следователю или дознавателю)³²⁷.

Примерно такой же смысл имеет аналогичная ст. 226-10 УК Франции. В ней также перечисляются только специализированные органы, имеющие отношение к расследованию уголовных дел и отправлению правосудия. К ним уголовный закон Франции относит судебных чиновников, офицеров судебной или административной полиции и т. д.³²⁸

Следуя такой логике, позволительно заключить, что основным непосредственным объектом ложного доноса являются общественные отношения по поводу осуществления уголовного преследования и отправления правосудия, или, как отмечает большинство авторов, правосудие в широком смысле этого слова³²⁹. Однако данное

³²⁷ Уголовный кодекс Украины. Киев, 2006. С. 87.

³²⁸ Новый Уголовный кодекс Франции / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1993. С. 610.

³²⁹ Как мы уже упоминали ранее, в теории уголовного права принято обозначать все урегулированные уголовно-процессуальным законом отношения в сфере противодействия преступности единым обобщающим термином «отношения в сфере правосудия» или определением «отношения по осуществлению правосудия». См., например: Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н., Идрисов К.Р. Классификация

закономерное на первый взгляд умозаключение является не совсем точным с точки зрения современного взгляда на содержание отношений в сфере правосудия.

Дело в том, что в теории уголовного права отношения по осуществлению правосудия, как правило, рассматриваются не как непосредственный, а как родовой или видовой объект преступления³³⁰. Такой подход к определению уголовно-правового значения названных отношений представляется вполне оправданным, если учесть, что в рамках отправления правосудия, действительно, можно выделить несколько самостоятельных групп общественных отношений, которые отличаются однородностью, взаимообусловленностью и неразрывной связью. Поэтому, как справедливо отмечает, например, Л.В. Лобанова, преступления, предусмотренные гл. 31 УК, затрагивают не все правосудие в целом, а только отдельные стороны или некоторые отношения в сфере правосудия, мешают развитию какого-либо одного из свойств процессуальной деятельности³³¹.

В литературе предлагается несколько классификаций преступлений против правосудия, в основу которых положен непосредственный объект. Одни ученые делят их 1) на преступления, препятствующие исполнению работниками правоохранительных органов их обязанностей по осуществлению целей и задач правосудия; 2) преступления, совершаемые в процессе отправления правосудия конкретными должностными лицами; 3) посягательства на отношения по осуществлению мер государственного принуждения, указанных в приговорах, решениях суда, или иных судебных актах³³².

Другие специалисты выделяют следующие группы преступлений против правосудия: 1) посягательства на сотрудников органов предварительного расследования и судей; 2) служебные преступления участников уголовного судопроизводства; 3) фальсификация и сокрытие доказательств; 4) невыполнение процессуальных решений³³³.

Учитывая, что структура правосудия как объекта уголовно-правовой охраны может быть представлена с разных позиций, криминалисты проводят разграничение преступлений в этой сфере еще по ряду критериев, например, в зависимости от решаемых уголовным

преступлений против правосудия как объект научного исследования // Российский судья. 2007. №1. С. 26. и др.

³³⁰ См., например: Денисов С.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. ... докт. юр. наук. СПб., 2002. С. 129.

³³¹ См.: Лобанова Л.В. Указ. соч.– С. 74.

³³² См.: Голоднюк М.Н. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестн. МГУ. Сер. 11, Право. 1996. № 6. С. 18.

³³³ См., например: Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под. ред. А.В. Наумова, В.Н. Кудрявцева. М., 1997. С. 396.

процессом задач, от стадии осуществления правосудия и т. д.³³⁴. При этом помимо названных выше видов преступлений против правосудия в литературе также выделяют преступления, заключающиеся в неисполнении гражданского, служебного или общественного долга в сфере правосудия со стороны лиц, не являющихся его представителями по конкретному делу³³⁵, преступления, посягающие на порядок возбуждения уголовного дела³³⁶ и т. д.

Между тем, надо признать, что большинство предлагаемых в литературе классификаций рассматриваемых преступлений по признаку непосредственного объекта в той или иной степени обладают недостатками. В них часто либо не выдерживается единство проводимого разграничения, либо подменяется основной критерий разделения обозначенных деяний на виды.

Например, не все преступления, которые обычно включают в группу посягательств, связанных с фальсификацией и сокрытием доказательств можно в действительности отнести к таковым. Не совсем по признаку непосредственного объекта кажется сформированной группа служебных преступлений участников судопроизводства. Скорее всего, в ее основу положен признак субъекта отношений в сфере осуществлении правосудия и круг его обязанностей.

В отдельных случаях представляется весьма спорной сама возможность обособления той или иной группы общественных отношений в сфере правосудия, например, отправления правосудия как познавательно-правоприменительной деятельности, ввиду надуманности их объединительного критерия. Довольно сложным представляется обоснование выделения и такой самостоятельной группы общественных отношений в сфере правосудия, как отношений, обеспечивающих вынесение справедливого приговора или отношений, ограждающих от привлечения к ответственности заведомо невиновного³³⁷. Думается, в данном случае речь все-таки идет не о каких-то самостоятельных отношениях, а всего лишь о задачах правосудия, которые являются структурным элементом отношений по реализации процессуальных полномочий сотрудников правоохранительных органов и судей и т.д.

На наш взгляд, наиболее удачной классификацией преступлений против правосудия является деление их на следующие группы: 1) посягательства, направленные на отношения по реализации конституционных принципов правосудия (ст.ст. 299-301, 305 УК);

³³⁴ См., например: Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. С. 51.

³³⁵ См., например: Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.Н. Новоселова. М., 1998. С. 618.

³³⁶ См., например: Лобанова Л.В. Указ. соч.– С. 76.

³³⁷ См., например: Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации и законодательной регламентации. С. 247.

2) посягательства на деятельность органов правосудия в соответствии с их целями и задачами (ст. 294 – 298, 311 УК); 3) посягательства на процессуальный порядок получения доказательств по делу (ст. 302 – 304, 306 – 309 УК); 4) посягательства на деятельность органов правосудия по своевременному раскрытию и пресечению преступлений (ст. 310 – 316 УК); 5) посягательства на отношения по реализации судебного акта (ст. 312 – 315 УК)³³⁸.

Данная классификация имеет достаточно четкую структуру, отличается последовательностью и логичностью в обособлении видов обозначенных преступлений, их выделение социально обусловлено и соответствует строго выбранному единому критерию. Кроме того, она позволяет создать достаточно прозрачное представление о содержании отношений в сфере правосудия, весьма удачно разделяя различные по целям, задачам, субъектам и процессуальной специфике виды деятельности органов правосудия, которые, действительно, можно рассматривать как самостоятельные социальные связи, существующие в этой сфере общественных отношений.

Единственно трудно согласиться с тем, что ее авторы относят ложный донос к преступлениям против порядка получения доказательств по делу. Подобную точку зрения, только в несколько ином свете, высказывают и некоторые другие авторы. Так, И.В. Дворянсков считает, что «непосредственным объектом ложного доноса выступают общественные отношения по обеспечению поступления в распоряжение органов правосудия достоверных сведений о преступлениях»³³⁹.

Данное утверждение, на наш взгляд, выглядит безупречным. Во-первых, на том этапе уголовного процесса, на котором фиксируется ложное заявление о преступлении, механизм обеспечения получения органами правосудия достоверных доказательств по делу еще не запускается. При заявлении ложных сведений о преступлении может и не идти речь о конкретных обстоятельствах дела, т. е. получается, что до собирания, проверки и оценки доказательств дело пока еще не доходит. В данном случае, как представляется, вред отношениям правосудия наносится на более высоком уровне, на уровне основы осуществления уголовного преследования. Отсюда следует вывод, что ложный донос в большей степени касается не порядка получения доказательств, а деятельности органов правосудия в целом.

По поводу непосредственного объекта рассматриваемого преступления существуют и другие точки зрения. Так, Л.В. Лобанова в качестве непосредственного объекта этого преступления называет

³³⁸ См., например: Чучаев А.И. Преступления против правосудия: научно-практический комментарий. Ульяновск, 1997. С. 6 – 7.

³³⁹ Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств. Ульяновск, 2000. С. 95.

общественные отношения, обеспечивающие благоприятные условия для осуществления отдельных процессуальных функций и исполнения судебных актов³⁴⁰. По мнению А.В. Федорова, под ним следует понимать общественные отношения, обеспечивающие деятельность органов предварительного расследования и прокуратуры, а также суда по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод³⁴¹.

Оба приведенных определения кажутся нам также недостаточно точными. Причем если в первом случае позиция ученого более близка к истине, но он выражает ее слишком широко и витиевато, то во втором случае автор неверно расставляет акценты в соотношении приоритетных направлений деятельности по осуществлению правосудия и ее основных задач. На наш взгляд, защиту личности от незаконного обвинения и осуждения, а также ограничения ее прав и свобод следует рассматривать как одну из ключевых задач отправления правосудия в целом, пронизывающую все отношения, образующие этот социально-правовой феномен.

Кроме того, обозначенная выше постановка вопроса значительно искажает истинное представление о социальной сущности анализируемого преступления. Общественная опасность ложного доноса, как мы уже говорили, заключается во-первых, в том, что это посягательство напрасно приводит в действие механизм уголовной ответственности, отвлекая правоохранительные органы от выполнения их основной работы, во-вторых, в том, что может повлечь необоснованное применение мер уголовно-правового принуждения к ни в чем не повинным людям.

Однако если в первом случае дело непосредственно касается нарушения отношений в сфере отправления правосудия, то во втором случае, думается, речь идет уже о самостоятельной группе общественных отношений, обеспечивающих неприкосновенность личности. Их не следует путать с отношениями по осуществлению правосудия, как это делают некоторые авторы, поскольку причинение ущерба личным благам человека имеет уже совсем другой характер и иную социально-правовую сущность, независимо от того, в какой сфере общественных отношений происходит их нарушение.

В данном контексте гораздо более убедительной выглядит позиция тех криминалистов, которые разрешают обозначенное противоречие посредством выделения в составе ложного доноса дополнительного объекта – свободы, чести и достоинства личности³⁴². Только их, по нашему мнению, необходимо немного поправить.

³⁴⁰ Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 89.

³⁴¹ Федоров А.В. Понятие и классификация преступлений против правосудия: дис.... канд. юр. наук. Ульяновск, 2004. С. 94.

³⁴² См., например: Денисов С.А. Указ. соч. С.28.

Учитывая, что на данный момент по ч. 1 ст. 306 УК ответственность наступает уже за сам факт сообщения ложного сообщения о преступлении в правоохранительные органы независимо от того, упоминается ли в нем конкретное лицо или нет, по правилам определения объекта названные отношения следует рассматривать в качестве факультативного объекта. Факультативным объектом ложного доноса могут также выступать и отношения, охраняющие здоровье граждан, и другие общественные отношения в зависимости от того, какой конкретно вред данное деяние причинит в том или ином случае.

Таким образом, исходя из того, какие отношения существуют в сфере осуществления правосудия, учитывая направленность анализируемого преступного посягательства и принимая во внимание тот вред, который оно способно причинить, основным непосредственным объектом ложного доноса следует считать нормальную деятельность органов правосудия в соответствии с их целями и задачами. Факультативным объектом рассматриваемого преступления выступают отношения, обеспечивающие неприкосновенность личности, ее свобода, честь и достоинство а также иные отношения, блага и интересы, которым наносится ущерб в зависимости от обстоятельств конкретного случая.

Список литературы

1. Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968.
2. Голоднюк М.Н. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестн. МГУ. Сер. 11, Право. 1996. № 6.
3. Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств. Ульяновск, 2000.
4. Денисов С.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. ... докт. юр. наук. СПб., 2002.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.А. Чекалин. М., 2006.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2007.
7. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999.
8. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: дис. ... канд. юр. наук. Казань, 2000. С. 110.
9. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под. ред. А.В. Наумова, В.Н. Кудрявцева. М., 1997.
10. Тюшнякова О.В., Якушин В.А. Наказание и его применение. Тольятти, 2006.

11. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.Н. Новоселова. М., 1998.
12. Федоров А.В. Понятие и классификация преступлений против правосудия: Дис.... канд. юр. наук. Ульяновск, 2004.
13. Чучаев А.И. Преступления против правосудия: научно-практический комментарий. Ульяновск, 1997.

THE NATURE OF FALSE DELATION AND IT'S PLACE IN THE SYSTEM OF CRIMES

E.V. Medvedev

Ulyanovsk State University

The article is devoted to analysis of social essence and juridical nature of false delation and its position in Special part of russian criminal law. This crime is regarded as encroachment on normal justice agency action in compliance with its tasks.

Keywords: *juridical nature; false delation; public justice; guarding of social relations; crimes are invade justice.*

Об авторе:

МЕДВЕДЕВ Евгений Валентинович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ульяновского государственного университета, e-mail: oxymoron@rambler.ru.